

АБИССИНЕЦ 7

1890

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

Сергей Насоновский Сергей Щербатых Абиссинец 1890. Том 7

<https://litres.ru/74410202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году.

Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились.

Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века.

Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории.

Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ.

Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

Содержание

Глава 1. Троянский конь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых Абиссинец 1890. Том 7

Глава 1. Троянский конь

До станицы оставалось верст восемь, когда мне пришлось придержать Беркута. Пальцы правой руки вдруг странно дрогнули. Я снял рукавицу, несколько раз сжал и разжал кулак, хорошенько растер ладонь и подождал, пока меня отпустит.

После ночного ритуала Пассы, или как там все произошедшее обозвать, тело еще не пришло в себя. Перед глазами больше не мелькали картины из другого мира, в ушах не отдавались удары старика в бубен. Но стоило прикрыть глаза, как мысли пускались в какой-то безумный хоровод.

Вчера, когда мы расставляли на схеме охрану тракта при проезде губернаторского поезда, мне казалось, что двоих у сопки хватит. Теперь было ясно: скрытно посадить там людей не выйдет. Без маскировки они будут как на ладони.

Я отогнал эти мысли. Сперва надо добраться домой, а к полудню явиться к Овсянникову.

У въездного поста заметил Минюхина еще шагов за сто.

Его темная фигура хорошо выделялась на снегу даже в потёмках при лунном свете. Пока Петр выходил из караулки и поднимал фонарь, я уже успел прикинуть, с какой стороны обошел бы пост, окажись на месте неприятеля.

— Никак Громов? Рано ты.

— Скорее поздно.

— Из гасяна?

— Угу, оттуда.

Минюхин посветил мне в лицо, спросил, не встречал ли чужих на зимнике, и лишь потом подозвал дежурного ветеринарного ученика. Тот ощупал Беркуту ноги, заглянул в ноздри и велел провести коня шагом.

— На вид здоров. Но раз из гасяна вернулся, до утреннего обхода поставь отдельно.

Минюхин сделал отметку в журнале и поднял жердь.

— Проезжай, Андрей.

Петр отступил с дороги, а я направил Беркута дальше.

Станица еще спала. Лишь над несколькими куренями уже тянулся дым, и встретились трое верховых, что видать собирались в ранний разъезд.

Сначала хотел ехать к крестному. Беркута я по-прежнему в основном держал у Кравцовых. Но будить весь дом спозаранку не хотелось, да и до осмотра коня все равно следовало ставить отдельно. Правила эти не просто так придумали.

Поэтому свернул к станичной конюшне.

Дежурный конюх Иван Игашов сидел в сторожке возле

маленькой железной печурки и, судя по лицу, совершенно не обрадовался раннему гостю.

— Здорово ночевал, Иван.

— Слава Богу. Ты чего это, Громов?

— Беркута до утра примешь? Только в отдельный денник.

На посту велели дожидаться утреннего осмотра.

Он выглянул наружу, узнал коня и кивнул.

— А чего не принять? Денник свободный есть.

Я расседлал Беркута, растер ему спину жгутом соломы и проверил ноги.

— Воды сразу много не давай, — попросил я.

Игашов посмотрел с укоризной.

— Чай, не первый день возле лошадей хожу.

— Тогда и овса немного.

— Иди уже домой, командир выискался.

Я усмехнулся, хлопнул Беркута по шее и вышел.

На улице понемногу светало. Лампу в нашем окне увидел еще издали. Саша сдержала-таки обещание и оставила ее гореть на всю ночь.

Поднялся по ступеням и толкнул дверь. Заперто. Постучал, сперва негромко, потом сильнее. За дверью послышались шаги. Засов глухо стукнул, и на пороге показалась Саша. Поверх ночной рубахи она на ходу запахивала теплую кофту, растрепавшаяся коса лежала через плечо.

Несколько мгновений Саша просто смотрела на меня.

— Андрей... Ну слава Богу, дождалась. Заходи скорее, не

то холоду напустишь.

Я шагнул в сени. Саша задвинула засов и оглядела меня с головы до ног.

— Целый?

— Целый. Чего мне станется?

— А Беркут где?

— В станичной конюшне оставил. Игашов приглядит, утром еще раз осмотрят.

Она коснулась моей правой руки.

— Замерз?

— Есть немного.

Саша пошла к печи. Дрова в ней почти прогорели, но жар еще держался. Она пошевелила угли, подбросила несколько поленьев и поставила греться воду.

— Как все прошло? — спросила она.

Я сел возле стола и потер лицо ладонями.

— Хорошо. Много нового узнал.

— Ну и ладно. Сейчас вопросами одолевать не стану, потом расскажешь.

— Угу. Меня к полудню Овсянников ждет.

— До полудня время есть, но тебе и поспать надо.

Саша поставила передо мной кружку чая и отрезала ломоть хлеба.

— Кашу греть?

— Не надо, чаю хватит, благодарствую.

— С дороги и на одном чае?

— Саша, я усну быстрее, чем ты кашу достанешь.

— Вот потому и поесть надо, чтобы силы были.

Пока она грела кашу, я достал из ящика лист бумаги и записал, чтобы не запомнить: «У сопки третьего чуть в стороне. Маскировка».

Саша поставила на стол миску.

— Что пишешь?

— Да так. Надо не забыть, кой-чего Глебу Маркеловичу сказать.

Я достал часы, глянул и вздохнул.

— Разбудишь в десятом часу?

— Добре, в десятом так в десятом. Ежели водой колодезной оболью, не серчай. Тебе после бессонной ночи хоть из пушки возле уха стреляй.

— Что хочешь делай, но к полудню я должен быть в правлении.

Кое-как доел кашу, разделся и лег. Не помню даже, успели укрыться одеялом.

Проснулся оттого, что Саша трясла меня за плечо.

— Ан-дре-ей... Андрей! Вставай!

Я открыл глаза и некоторое время смотрел на нее, не понимая, где нахожусь. В горнице уже было светло.

— Десятый час?

— Ага. Самовар готов, иди умывайся.

Я сел и прислушался к себе. Выспаться, конечно, не успел, но тело, кажись, пришло в порядок. После плясок с бубном

и то хлеб.

Через четверть часа уже одевался. Выпил еще кружку чая, сунул записку за пазуху и снял с крюка пояс с кобурой.

Саша проводила меня до сеней.

— Андрей.

— Ась? — обернулся я.

— Ты сегодня хоть пораньше вернись.

— Постараюсь, но не обещаю.

Станица давно проснулась. По улице тянулись сани и розвальни с сеном. Возле конюшни ветеринарный ученик осматривал лошадей, в правлении вовсю топили печь.

Парамон еще не вернулся из Венюково, поэтому Глеб Маркелович сидел в кабинете один и сам разбирал рапорты. Увидев меня, он отложил бумагу и глянул на часы.

— Быстро, однако, управился.

— Старался.

— Новости от шамана есть?

Я рассказал, что Пасса советовал особенно внимательно проверять свежие пью, когда в расчет за товар отдавали право пользоваться охотничьими угодьями. Именно промыслы сейчас почему-то больше всего интересовали китайских купцов.

Глеб Маркелович еще раз переспросил про угодья и сделал пометку.

— Добре. С этим разберемся.

Он отложил перо и присмотрелся ко мне внимательнее.

— Ты чего такой помятый? Не спал, что ли?

— Почти. Пару часов удалось покемарить.

— Для молодого и этого достаточно, отдохнуть успеешь.

А пока садись за стол Парамона, бери рапорты и разбирай. Сам знаешь, что к чему.

— Сейчас. Только еще одно дело есть.

Я достал сложенный лист.

— Давай. Что там у тебя?

— Глеб Маркелович, дайте вчерашнюю схему постов глянуть.

Овсянников нахмурился.

— На тебя там что, у Пассы озарение снизошло?

— Можно и так сказать. Пока ехал, понял, что кое-чего мы не учли.

— Мы?

— Я в первую очередь. Расстановку-то предлагал я.

Глеб Маркелович несколько секунд смотрел на меня, потом достал из ящика вчерашнюю схему. Я развернул ее на столе и нашел изгиб Уссури у сопки.

— Ну, показывай, чего теперь не нравится.

— Вчера решили поставить здесь двоих. Этого мало. Но если третьего выставить рядом, любой соглядатай заметит сначала его, а потом и остальных.

— Секреты мы и без тебя ставить умеем, Громов. Самый головастый, думаешь?

— Знаю. Только весь пост прятать не предлагаю. Двое

пусть остаются на виду, а третьего посадим чуть в стороне, для прикрытия.

Овсянников снова посмотрел на схему.

— Кто решит обойти эту пару, выйдет на третьего?

— Именно.

Дверь открылась, и на пороге появился крестный. Степан Анисимович держал список сменных лошадей. Увидев меня, на миг удивился.

— Уже вернулся, Андрей?

— Слава Богу, Степан Анисимович. Перед рассветом прибыл.

— Беркут где?

— В станичной конюшне. Не стал вас среди ночи будить.

— Ну и зря. Матушка с ночи чугушки в печь ставила, все одно вполглаза спали.

Крестный положил список на край стола, увидел развернутую схему и задержался.

— А это вы чего с утра пораньше затеяли?

Овсянников хмыкнул.

— Андрей говорит, охрану нашу слишком хорошо видать.

Что есть она, что нет.

Степан Анисимович посмотрел на меня.

— А ее невидимой сделать предлагаешь?

— Частично.

— Ну тогда рассказывай, что опять удумал.

Крестный подтянул к столу стул. Я провел пальцем вдоль

Уссури.

— Если кто-то и вправду захочет добраться до Павла Федоровича, наобум не полезет. Сначала осмотрится. Может, сам по реке пройдет. Может, пошлет видака, на которого никто не подумает. А может, уже сегодня издали наши берега изучает.

— И чего увидит? — спросил крестный.

— То же, что вчера увидели мы. Вот пост, тут разъезд, там двое у выезда на лед. За час можно на бумаге нарисовать всю нашу расстановку. А если надо пройти незаметно, полезут промеж постов.

Овсянников прищурился.

— Для того посты друг друга и прикрывают.

— Верно. Только противник тоже может знать, кого и где обходить.

Крестный потер подбородок.

— И чего предлагаешь? Всех станичников в сугробы закопать?

— Не всех. Видимые посты надо оставить. Если враг будет изучать нашу расстановку, ему надо показать только часть.

Оба посмотрели на меня.

— Как стояли, так и стоят. Пусть их будет видно.

— Не понял, — сказал Овсянников.

Я взял карандаш и поставил вторую отметку выше первой.

— А третьего наблюдателя посадить вот здесь, в стороне. Чтобы видел сам пост, подходы к нему и место, откуда удоб-

но выйти к реке. Только с Уссури его быть видно не должно.

Степан Анисимович хмыкнул.

— Так это бикет с засидкой. У нас на Кубани пластуны ты такое часто в плавнях устраивали. Но тут, — ткнул он пальцем в схему, — кого не посади, на белом снегу и за полверсты разглядишь.

— Поэтому надо замаскировать.

— Твоя белая справа? — понял первым крестный.

— Она самая.

Овсянников вопросительно посмотрел на него.

— Какая еще справа?

— Андрею Саша еще осенью сшила, — пояснил Степан Анисимович. — Белая верхняя рубаша с капюшоном, такие же штаны, серые пятна. Поверх полушубка надевается. Вид чудной, конечно.

— Нам в ней не на ярмарку идти, — сказал я.

— Это верно, — усмехнулся крестный.

— Винтовку тоже надо обмотать белыми полосами, только затвор, прицел и дуло оставить открытыми.

Глеб Маркелович постучал карандашом по изгибу реки.

— Допустим. Но следы к секрету на снегу видны будут. И как людей сменять? На холоде один, как его ни замаскируй, долго не просидит.

— Заводить с тыла, пока по реке идет обычный разъезд. Где получить, двигаться надо по старым следам.

— У островка можно пройти по тальнику, — кивнул

крестный. — Там и снег пятнами, и с зимника открывается не весь берег.

— Сколько людей надо? — спросил Овсянников.

— Для начала три места. По одному человеку в секрете и еще трое на смену. Вывести их за несколько часов до прохода губернаторского поезда.

— Старшие видимых постов должны знать, с какой стороны их прикрывают, — добавил крестный. — И условный сигнал определить. А точное место секрета им без надобности.

Глеб Маркелович еще немного посмотрел на схему и свернул ее.

— Добре. Но без Албазова, Гордеева и Огородника участки перекраивать не стану.

Он вышел в коридор, велел дежурному вызвать всех троих, а вернувшись, добавил:

— После обеда проверим место возле изгиба. Если ваша белая справа чего-нибудь стоит, к вечеру определимся.

Губернаторский поезд ожидали через два дня. Терять время было нельзя.

Через полчаса в кабинете уже не хватало стульев. Албазов с Гордеевым посыльный вернул с утреннего осмотра западной дороги, Огородника вытащили прямо от Юдинцева. Овсянников показал новые отметки на схеме и коротко объяснил задумку.

Албазов взялся предупредить старших на постах. Гордеев

стал обозначать сектора, чтобы при стрельбе из секрета не ударить по своим. Огородник предложил два подхода с тыла. Крестный прикинул, сколько понадобится людей и сменных лошадей. Овсянников выслушал всех и распорядился:

— На бумаге вроде все понятно, так что после обеда идем на реку.

Почти до самого выхода я разбирал рапорты. Потом сходил за Беркутом, забрал из дома свою маскировочную справу и винтовку.

Возле зимника, прямо у изгиба реки, поставили Меренского в темном полушубке и папахе. Я поднялся выше по склону, надел маскировку поверх одежды, обмотал белой тканью винтовку и по ельнику добрался до поваленного ствола.

Лег возле куста и натянул капюшон так, чтобы лицо было в тени.

Овсянников, крестный, Албазов и Гордеев вышли на лед. Меренского нашли сразу. Потом Глеб Маркелович поднял зрительную трубу и медленно повел ею по склону.

Я не двигался.

Прошла минута, за ней другая. Дважды труба задерживалась на мне, но всякий раз скользила дальше. Наконец Овсянников опустил ее и что-то сказал крестному.

Вот тогда-то я и поднялся.

Степан Анисимович присвистнул, а Глеб Маркелович снова вскинул трубу.

— Теперь вижу, — сказал он, когда я спустился на лед. — Ствол, кусты и серое пятно возле них. Пока ты не шевельнулся, я совсем не разобрал.

Крестный кивнул на Меренского.

— Саню зато и без трубы видать.

— На то он там и стоит, — ответил Овсянников.

Глеб Маркелович повернулся к Албазову и Гордееву.

— Три места, как и говорили: у изгиба, возле протоки и на островке. Старую гать не трогаем, там прежнего распорядка хватит. Людей подберите к вечеру.

— А белые sprawy у Андрея всего две, — сказал крестный.

— Да, еще четыре нужны, — сказал я. — Выкройки у Саши остались.

— Пусть возьмет помощниц, — распорядился Овсянников. — За работу из станичной кассы рассчитаемся.

Саша выслушала нас, развернула старые выкройки и сразу позвала трех помощниц: Пелагею Александровну, Нюрку и вдову Звягину.

— К утру четыре простых комплекта сошьем. Только людей сейчас приводите, мерки снять надо.

К вечеру в нашем доме уже работали вчетвером. Белую бязь принесли из лавки, небеленый холст из станичного запаса.

Мы с Семеном тем временем занялись первой тройкой. Мои маскировочные sprawy переходили от одного к друго-

му, зато ошибки каждого разбирали сразу.

С первого раза особо не выходило. Меренский улегся на открытом склоне, и его выдала тень. Медведовский слишком часто вертел головой. Бортеньева сразу раскрыла темная винтовка на белом снегу, будто он нарочно выставил ее напоказ.

Рыжий ругался больше всех.

— Ты чего стволом машешь? Замерз, пальцами в рукавице шевели. Ежели встанешь, все будет зазря. И на открытое место не лезь. Вон куст, вон валежина. Снег тебе не простыня, чтобы посреди него раскладываться.

Через час дело пошло лучше. Огородник показал, как проходить с тыла к точкам наблюдения. Гордеев обозначил каждому сектор стрельбы, если что, Албазов проверил сигналы и пути отхода. До темноты всех по очереди еще раз посадили в секрет. Углядеть смогли лишь одного, да и то потому, что тот слишком рано поднял голову.

Албазов велел первой тройке подниматься, когда Рыжий вдруг ухватил меня за рукав.

— Андрюха, глянь-ка. На той стороне кто-то есть.

Я обернулся и увидел, как из тальника на китайском берегу выбрался человек. Он сделал несколько неуверенных шагов, остановился перед рекой и медленно двинулся на лед.

— Всем стоять, — тихо скомандовал Албазов.

Человек шел прямо к нам. Иногда его заносило в сторону. На окрики тот не ответил.

— Стой! — еще раз гаркнул Гордеев. — Кто таков?

Незнакомец поднял руку, показывая, что услышал. Сделал еще два шага, споткнулся и упал на колени.

Семен перекинул винтовку за спину.

— Да он сейчас носом в лед зароется.

Добре, сходите осторожно гляньте, мы прикроем, — сказал Албазов.

Рыжий направился к незнакомцу, я пошел следом, держа «Ли-Метфорд» наготове. С другой стороны, приблизился Гордеев.

Человек попытался подняться. Он качнулся вперед, и Семен подхватил его под мышки.

— Тихо, братец, тихо.

На незнакомце был китайский ватный халат, изорванный на плече, перехваченный бечевкой вместо пояса. Широкие штаны покрыты ледяной коркой почитай до колен. Один сапог держался на ноге, вторая обмотана тряпьем.

Лицо почти полностью скрывала спутанная борода, покрытая инеем. Глаза заплыли, губы потрескались. На щеках и носу проступили белые пятна.

Гордеев ощупал его с боков.

— Оружия нет.

— Слышишь меня? — Я присел рядом. — Ты кто?

Незнакомец с трудом разлепил веки. Некоторое время смотрел прямо на меня, но, похоже, ничего не видел.

— Лон... ча...

Говорить пытается на русском.

— В Лончаково шел? — переспросил я.

Губы снова шевельнулись, но звука не вышло. Голова упала Семену на плечо.

Рыжий прижал пальцы к его шее.

— Живой. Только еле дышит.

— Розвальни сюда подгоняйте! — распорядился Албазов.

Меренский рванул и через несколько минут подогнали розвальни. Незнакомца осторожно уложили на сено и укрыли овчиной.

Семен сел рядом, придерживая, чтобы того не растрясло на ухабах.

— Давай, Саня, трогай.

Меренский взялся за вожжи.

Возле дома Юдинцева Рыжий сам поднял незнакомца и внес в сени. Роман Васильевич вышел навстречу, глянул на нашу ношу и распахнул дверь в дальнюю комнату.

— На лавку кладите, подальше от печи!

— Замерз он совсем, — сказал Семен.

— От резкого тепла ему хуже станет. Полость эту оставьте. Обувку не трогайте, я сам справлюсь.

Юдинцев осторожно приподнял веко незнакомца, послушал дыхание и приложил пальцы к шее.

— Где нашли такого бедолагу?

— С китайского берега через реку шел, — ответил я. — Сказать ничего не успел.

— Давно на морозе?

— Не успели узнать, он сознание потерял.

— Воды теплой принесите, а потом ступайте. Как очнется, сам позову.

Албазов оставил возле дома часового, а сам отправился доложить Овсянникову о неизвестном, перешедшем границу. Остальным велел расходиться.

Наутро к двум старым комплектам белой sprawy прибавились четыре новых. Саша велела каждому примерить свой прямо во дворе и на месте переделала две завязки.

— Вернете целыми, — предупредила она. — По кустам мне их не растреплите.

Весь следующий день людей учили в стороне от будущих секретов: отрабатывали скрытное передвижение и условные сигналы. Точные места и пути подхода знали только старшие. Назначенная на день проезда смена должна была выйти за пару часов до появления поезда. Обычные посты и разъезды оставались на прежних местах.

Пока одни готовились ко встрече, остальные шерстили тайгу и дороги. До вечера ничего опасного не нашли. Во всяком случае, так нам казалось.

Двух китайских торговцев из Венюково проверили и отпустили: бумаги оказались в порядке.

Одному промысловику повезло меньше. Он уверял, что оставил разрешение на промысел в зимовье, и предлагал хоть сейчас послать с ним казака за тридцать верст. Ружье у

него отобрали, а самого до выяснения посадили в холодную.

Еще одного задержали возле старой гати. Назвался он Степаном Ефимовичем Коробовым и работал на Копыловской заимке. Там ему задолжали за три месяца, документ забрал приказчик, а когда Степан потребовал расчета, велели ждать весны. Коробов ждать не стал и смылся ночью.

Рассказ мог оказаться правдой, но одного слова было мало. Овсянников отправил запрос в Козловскую, а рабочего до поры велел посадить к промысловнику.

— До ответа из округа и прохода губернаторского поезда никого из задержанных наружу не выпускать, — распорядился он. — Даже если родная мать за ним придет.

Последней на посту задержали женщину. Лет ей было то ли пятьдесят, то ли все шестьдесят. Маленькая, сухая, согнутая, в старом овчинном полушубке и огромном пуховом платке, из которого торчал один красный нос. За плечами узел, в руке палка.

До правления она шла медленно и успела пожаловаться и на ноги, и на хозяина дальней заимки.

Там она, по ее словам, стряпала для рабочих и стирала белье. Осенью обещали по три рубля в месяц с харчами, но сперва кормили обещаниями, а теперь приказчик объявил, что расчет будет, когда реки вскроются. Выбраться ей удалось утром. В Лончаково она направилась потому, что здесь будто бы жила дальняя родня покойного мужа.

Овсянников поднял голову.

— Погоди. С какой, говоришь, заимки?

— С Копыловской, батюшка. За старой гатью она.

Крестный покосился на Овсянникова. Тот велел привести Коробова. Через несколько минут рабочего ввели под караулом.

Женщина уставилась на него.

— Степка!

Коробов остановился на пороге.

— Федосья Матвеевна? Ты тоже выбралась?

— Наговориться успеете, — оборвал их Овсянников. — Кто на заимке хозяйничает?

— Приказчик Буров Ефрем Савельевич, — ответил Коробов. — Заимка хабаровского купца Гаврилы Фомича Копылова, только самого хозяина мы почитай с лета не видали.

— Что там делаете?

— Лес валим, бревна таскаем. Их на брус да доску пилят. С весны два сруба поставили, амбар и ограду.

— Сколько работников?

— Мужиков десятеро было. Еще Федосья Матвеевна на кухне.

— Девять теперь, — сказала женщина.

Овсянников посмотрел на нее.

— Значит, скоро и остальные потянутся?

— Кабы могли, давно бы ушли. У мужиков документы Буров забрал, а за харчи, одежду да инструмент каждому долг пишет. На делянку всей артелью водят, по одному за воро-

та не пускают, на ночь рабочий барак запирают снаружи. Теперь после нас двоих он и вовсе всех за забором удержит. Уж не знаю, как остальные выберутся.

— А вы как ушли?

— Меня к ключу белье полоскать выпускали. Кто ж подумает, что старая баба в мороз по тайге уйдет? Я узелок свой с харчами среди белья спрятала, за тальник свернула и пошла.

— Я через забор перелез, — добавил Коробов. — Там снегу почти до верхнего края намело.

Лицо Овсянникова помрачнело.

— Хороший порядок этот Буров завел. Людей нанял, денег не платит, документы забрал, на ночь запирает.

Он велел позвать Албазова. Тот выслушал обоих.

— Знаю эту заимку. С весны там строятся и лес рубят. Дважды заходили. Разрешение Буров показывал, с виду все чинно было.

— С рабочими без него говорили?

Албазов помолчал.

— Нет.

— В следующий раз поговоришь. Сегодня пошлешь двоих посмотреть издали. После прохода губернатора возьмешь пятерых и проверишь все как следует: где документы, откуда взялись долги и на каком основании людей запирают. Чай, крепость давно отменена. Запрос в Козловскую дополнить именами Копылова и Бурова. Если еще кто оттуда выйдет, сразу вести сюда.

Овсянников кивнул караульному.

— Коробова обратно. До ответа из Козловской и губернаторского проезда из холодной не выпускать. Порядок для всех один.

Когда дверь за рабочим закрылась, Овсянников снова повернулся к женщине.

— Теперь про родню.

Она назвала Звягиных. За Настасьей Павловной послали мальчишку. Вдова пришла сердитая, долго всматривалась в женщину, но никакой родственницы с таким именем не помнила.

— Так я ж через мужа, — не смутилась та. — Лешка-то мой вашему покойному троюродным братом приходился. Они еще на Амуре вместе служили, лет двадцать назад. Может, он вам обо мне и не рассказывал.

— Не знаю, не знаю, — проворчала Настасья Павловна. — Всех разве упомнишь.

Бумага у женщины имелась. Старая, затертая на сгибах, возраст и приметы сходились.

Крестный снял с ее плеча узел и развязал на краю стола. Внутри лежали две смены белья, чулки, полотенце, деревянный гребень, моток ниток с игольником, хлеб, кусок сушеной рыбы и жестяная кружка.

Женщина сама развернула белье, вытряхнула чулки и показала зашитый угол полотенца. Там оказались три серебряные монеты.

— Все мое богатство, батюшки. Хоть пересчитайте.

Потянувшись через стол за гребнем, женщина прижалась правым боком к краю. Под полушубком что-то коротко и твердо стукнуло о доску.

Она охнула и прижала ладонь к боку.

— Ребра застудила. Дышать больно, прости, Господи.

Крестный подвинул ей табурет, а Овсянников снова взял бумагу в руки.

— До завтрашнего проезда из станицы не уходить. На реку и к постам не соваться. После если хочешь, то тут работу ищи, а хочешь, дальше ступай.

Женщина перекрестилась.

— Да куда я, батюшка, пойду? Ноги вон отваливаются.

Овсянников посмотрел на Звягину. Та сразу поняла, чего от нее хотят, и уперла руки в бока.

— У меня своих трое да мать старая. Куда я ее дену?

— До завтра, Настасья Павловна, — сказал Овсянников.

— Харчи из станичного запаса выпишем.

Вдова тяжело вздохнула.

— Добре. Пошли давай. У печи постелю.

Женщина опять перекрестилась, поблагодарила Овсянникова, крестного и Звягину. Потом собрала вещи, взяла палку и, тяжело ступая, вышла вслед за вдовой.

На том проверка закончилась.

До темноты мы еще раз осмотрели места будущих секретов, чуть сместили подход у протоки и проверили резервных

лошадей. Потом вернулись в правление. Овсянников выслушал доклады и наконец отпустил нас по домам.

Я уже натягивал рукавицы, когда дверь распахнулась и в кабинет вошел Юдинцев.

— Глеб Маркелович, обождите расходиться. Дело есть.

Овсянников снова опустился на стул.

— Что еще стряслось?

— Мужик очнулся, ну которого на реке подобрали.

Рыжий, застегивавший полушубок, замер.

— Рассказал, кто таков? — спросил крестный.

Юдинцев посмотрел сначала на него, потом на Овсянникова.

— Назвался Петром Дорохиным.

В кабинете стало тихо, крестный медленно опустил рукавицы на край стола.

— Каким Петром? Петром Дорохиным?

— Да, Нюркиным Петром, — ответил Юдинцев. — Мужем ее.

Овсянников привстал.

— Ты уверен, Роман Васильевич?

— Я его не по бороде признал. Голос услышал. Потом осмотрел как следует. У него под левой ключицей старый рубец. Я сам этот рубец зашивал когда-то. Да и назвал он всех: Серафиму, Анну, атамана Огородника. Это точно Петр.

— Его же лет пять как погибшим уже считали, — произнес крестный.

— Знаю. Потому и пришел, прежде чем по станице слух пойдет.

Я посмотрел на Семена. Он стоял возле двери, не двигаясь.

Овсянников провел ладонью по лицу.

— Откуда он взялся? Как на китайском берегу оказался?

— Не знаю. Два слова скажет и снова проваливается в беспамятство. Спрашивать сейчас нельзя. До утра окрепнет, тогда и поговорите.

— Жить он будет?

Юдинцев помедлил.

— Обморожение сильное, особенно ноги. Истощен. Но сердце крепкое. Если ночью хуже не станет, вытащим.

— Нюрке уже сообщили? — спросил крестный.

— Нет. Вот и пришел посоветоваться. Сказать надо сегодня. Утром вся станица знать будет.

— Я скажу, — произнес Рыжий.

Все повернулись к нему.

Семен встретил наши взгляды спокойно.

— Анне Григорьевне, — пояснил он. — Я сам скажу.

— Ты хорошо подумал? — спросил крестный.

— А чего тут думать, Степан Анисимович? Муж у нее вернулся. Не от чужих же баб ей такое узнавать.

Ни усмешки, ни привычного озорства в его голосе не было.

Овсянников долго смотрел на него, затем кивнул:

— Ступай, но постарайся её пока к Роману Васильевичу не вести, пока он сам не скажет, когда проведать можно.

— Понял, — кивнул Рыжий и вышел.

Потом Юдинцев направился к двери.

— Мне возвращаться надо. Ежели что изменится, то дам знать.

Мы с крестным вышли следом. Саша встретила меня в сенях.

— Наконец-то. Я уж думала, опять до ночи продержат. Что ты такой?

Я снял полушубок и повесил на крюк.

— Помнишь, Нюрка про своего Петра рассказывала?

Саша перестала поправлять фитиль в лампе.

— Про мужа?

— Про него.

— А что случилось?

— Вернулся он.

Она несколько мгновений смотрела на меня, словно не поняла сказанного.

— Как вернулся?

— Тот самый человек, которого мы на реке подобрали. Юдинцев его признал.

— Живой? — перекрестилась Саша.

— Пока живой. Сильно обморожен, еле говорит.

— А Нюра уже знает?

— Семен пошел ей сказать.

— Господи... — Саша опустилась на лавку.

— Вот такие дела. — сел я рядом.

— Она ведь Петра давно оплакала. Почитай новую жизнь начала.

Саша еще раз перекрестилась.

— Дай им всем Бог сил.

Некоторое время мы молчали. Потом она поднялась и поставила передо мной ужин. Когда я немного поснедал, спросила:

— Как справа себя показала, сшитая за ночь?

— Отлично, Саша! Все шесть комплектов пойдут в наряд.

— Стало быть, не зря торопились.

Я улыбнулся. Бессонная ночь у Пассы и два дня почти без передышки дали о себе знать. Я прилег и сразу отключился.

Проснулся от жажды. Нашупал на табурете кружку с водой и спросонья стукнул ею о край кровати.

— Что такое? — начала подниматься Саша. — Чего стучишь, не спится?

— Да нет, воды попить. Ложись, любимая.

Я поднес кружку к губам, но рука замерла. Вот точно такой же стук сегодня звучал в правлении.

Поставил кружку обратно, сон как рукой смело. Прикрыл глаза и вспомнил стол Овсянникова, раскрытый узел и жестяную кружку возле чернильницы.

Федосья Матвеевна тогда потянулась за гребнем, прижа-

лась правым боком к краю, и под полушубком что-то ударило о доску. Тогда никто из нас не обратил особого внимания.

Я сел на кровати и тряхнул головой. Табакерка, нателеный складень, какая-нибудь бабья мелочь. Что угодно. Сам по себе звук ничего не доказывал.

Бумаги ее проверил Овсянников, узел перебрал крестный. Женщина даже показала деньги, зашитые в полотенце.

Но ее саму никто обыскать не стал.

Может, я напраслину возвожу и привязался из-за этого стука. Скорее всего, так и есть. Коробов узнал ее, назвал по имени, подтвердил рассказ о Копыловской заимке, Бурове и запертых воротах.

И все же другая мысль не отпускала. На реке слепые места мы закрыли, а главная опасность могла уже находиться прямо здесь, в Лончаково.

До прохода губернаторского поезда оставалось меньше суток. Я спустил ноги с кровати и нашарил сапоги.

Саша заворчалась.

— Андрей?

— Отдыхай покуда. Рано еще, мне ненадолго надо.

— Куда?

— К атаману.

— Случилось чего?

— Случилось, Саша. Похоже, троянского коня мы в ста- ницу впустили.

— Какого еще коня? Беркута? — округлила глаза она, а я

понял, что опять память Добрецова выдает неизвестные мне ранее слова.

— Нет, кабы его... Спи давай, Сашенька. Я скоро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.